

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК

Юркина Александра Васильевича

Родился 11 сентября 1926 года в с. Слобода Сыктывдинского района. Служил в Красной Армии с 23 февраля 1943 года по 23 марта 1950 года. Умер 28.03.1984 г. в г. Сыктывкаре.

Война !

Находимся в городе с младшей сестрой и слушаем по радио выступление Молотова о том, что на нашу страну вторгся вероломно Гитлер. Народ стоит под репродуктором изо всех сил напрягая слух, чтобы уловить каждое слово, выходящее из репродуктора, кругом слёзы, крик, рёв - всё смешалось. Буквально на следующий день пароход за пароходом отправляют на бойню живых людей, появились и "герои" своего рода.

Один хвастун, наш сосед, выхвастывал по пути, когда провожала его семья и другие родные, что мол "попадёт пуля в руку - отшвырну, в ногу - пну, а в голову попадёт - сама соскочит", но от такого хвастуна даже родные не могли получить ни одной весточки, куда пропал неизвестно.

Были очень сдержанные, многосемейные, уходившие на фронт, будущие бойцы Красной Армии, защитники Родины. Оставались по семь и более детей на попечении женщин и старух. Что думали беспомощные женщины с оравой детей в то время? Можно с уверенностью сказать только одно, что они ни о чём абсолютно не мечтали, был только немой вопрос в их глазах: зачем, куда и почему отрывают их мужчин от тихой и спокойной жизни. В первые месяцы войны были мобилизованы мужчины от 20 лет до 45 лет.

Во вторую военную весну остались у нас в Слободе одни женщины и дети, всех мужиков забрали на фронт. Вся мужская работа легла на женские плечи, трудно им было очень. До войны в бригаде работали примерно 50 мужчин и 60 женщин, сейчас же работу выполняли в том же объёме и даже больше только 60 женщин. Приходили извещения некоторым о смерти.

Осенью меня призвали на всеобуч. Учил, прибывший без ноги кадровый командир, но не долго он был военруком, занявшись и вынужден был сам себя застрелить из мелкокалиберного ружья, хотя в общем парень был славный.

Зимой окончательно собрали нас, как заправских вояк и стали учить военному делу, как убивать людей, одновременно работали на сплотке и вывозке древесины. Работа была не из лёгких. С утра до вечера работа с брёвнами, а вечером маршировка в строю и изучение оружия - винтовки.

Лето 1943 года. Рост мой не велик всего навсего 148 см. и весом был обижен, ведь не секрет, росли почти что на голодном пайке, недоедали, недосыпали, но призвали. Вот и вояка - 148 см роста и 46 кг веса, 17-летний боец Красной Армии. В первых числах октября собираемся одногодки возле нашего дома на окраине Слободы. Некоторые приехали на рысаках, с гармошками, двое или трое призывников хорошо играли на гармошке. На проводы пришли знакомые, друзья, подруги. Ростом никто не отличался, все были коротышками, просто дети. Гордились тем, что нам доверяют защищать Родину. Из одногодков не были приняты три человека, им даже было обидно, ведь позор - не годен. Тронулись в путь с песнями, вроде довольны, уже "взрослые", едем в армию.

Когда уже выстроили у ворот пристани, стоять там пришлось порядочно и получился чуть ли не казус. У призывников, почти что бойцов, а свои вещмешки не в состоянии держать, сзади поддерживают свои близкие. Плачет мама, плачет сестра, но я ещё не чувствовал и не представлял, что такое война. Почти деревенский, забитый парень и вот – иду на фронт. Последние слова родной матери, сестры и на пароход... Холод, уже плывут льдины крупными пластами. Пароход не прибывает до назначенного места, пересадка на буксирный. Наконец доехали. По прибытии, на третий день, сажают в телячий вагон и поехали по ж.дороге. Как телята на остановках выскакиваем и куда попало отправляемся. На шестые сутки привозят в северный город на большой реке, морской порт. Город мрачный, попал под бомбёжку, изуродовали 4-этажный дом под госпиталем, жилой дом и другие объекты.

Заперли нас в карантин. Помещение холодное, голые нары и столько набили новобранцев, как обычно в бочку огурцов. Скоро отправили в "баню", а температура примерно 4-6 градусов, только что вода не замерзает. Свои шмотки, барахло направили дезокамеру, а после этой "бани" за обмундированием стояли в очереди часа два. Народу, таких как мы, тысячи, все такие же маленькие, худенькие и трясутся, как "мокрые курицы", без волос. Дождались, выдали нам бельё, гимнастёрку, брюки старые поношенные х/б, шинель, вроде как 20 лет находилась в использовании. Ботинки выдали 42 размера, хотя я носил 37 размер, к ним портянки х/б полметра. После такого наряда трудно было узнать друг друга.

Ночью повели в казармы, до отбоя немного поели, что у кого осталось в уголках мешка, сухарики, крошки хлеба. На утро подъём в 6 часов и на физзарядку, на умывание, политучёбу и наконец-то – на завтрак! Давали 200 гр чёрного хлеба, 12 гр сахару и немного бурды (это было в 8 часов). На занятие в поле прицепили противогаз, лопату, дали винтовку, примерно нашего роста, а я даже меньше винтовки со штыком оказался на 25 см, а без штыка винтовку носить не разрешалось. Вот так занимались до двух часов. Затем обед: 250 гр хлеба, фасолевый суп и немного картофельного пюре. После обеда на один час отбой – "мёртвый час". После "мёртвого часа" опять занятия до восьми часов. В восемь часов ужин: 200 гр хлеба и 150 гр каши или пюре гороховое, только как бы намазали тарелки.

Жутко спать, когда желудок пустой, и вот таким темпом учёбы и кормления "до отвалу", наши солдаты начали окончательно терять в весе, появилась куриная слепота и начали искать дополнительное питание, а где их найдёшь? Тогда все были голодные, рабочий у станка получал 400 гр хлеба, а наши солдаты получали 650 гр. Картофельная лепёшка грамм на 50 стоила 10 рублей, 200 гр хлеба – 70 руб.

Однажды снарядили всех в полной боевой готовности, дали в руки по 10 заряжённых винтовочных патрона и направили за 15 км на стрельбище. Дошли на место не все, ведь на себя нацеплено около 15 кг ammunition. Отстрелялись: кто удачно, а кто и совсем не попал. Я же из 10 пуль в цель попал шесть раз и это удача, т.к. в первый раз из боевой винтовки стрелял. Как все отстрелялись, отправились в обратный путь, но путь был очень трудный, без еды были почти восемь часов. Не помню как прибыл в свою казарму.

А получилось так: пока сколько было силы двигались по возможности, никто уже не подгонял. Но я оказался среди двух "гор", а горы были такие: ж/д полотно и бугорок, куда покатали лыжи, когда я уже был бессильный, два шага шагнул и валит с ног, клонит ко сну, боролся

примерно часа два. Выбор был или замёрзнуть с голоду на холоде, или ползти, выбросить винтовку и противогаз. Если выбросишь военное снаряжение, то окажешься куда в худшем положении, чем останешься живым – военный трибунал. Решение принял такое: немного заснуть только стоя, если ляжешь, то сможешь вполне заснуть и замёрзнуть, ведь температура была градусов 20 ниже 0. Прошло немного времени, вроде пришла сила, кое-как пополз на полотно ж/д. Стемнело, ещё хуже, хорошо что попал на тропу, которая вывела на дорогу. Потерял сознание. Оказалось, что в казарму прибыли меньше половины солдат из целого учебного батальона из 700 человек.

После принятия военной присяги направили меня в военный порт для отгрузки суден, прибывавших из Англии, Америки, там привозили свиную тушёнку, разные крупяные изделия, медикаменты, были и танки типа "Валентин". Самое главное, в этом порту нам было создано питание по первой норме, кормили лучше гораздо, чем в строю и притом перепадало внутри порта, то схватишь печеньё или галет пачку.

Однажды направили на работу по разгрузке свинных тушек из вагона. Проголадались, измучились на этих тушках весом по 100 кг. Недалеко от нас англичане грузили вагон со своим продовольствием. В деревянных бочках у них были замешаны в сахарном песке галеты и вдруг они выронили с трапа одну бочку, которая разбилась при падении. Наша "братва" бросилась подбирать по карманам рассыпанные галеты и получилась свалка у этого места, кого-то повалили, чуть не придавили до смерти. После оказалось, что столкнули бочку нарочно те англичане. Они сверху смотрят на нас, кричат, смеются, фотографируют, но разве голодному до этого.

В марте трудолюбивых солдат отправили обратно на обучение в казарму. Опять скудный паёк солдатский, но радовались тому, что скоро обучение закончится и отправят на фронт. Учились семь месяцев, из одного села нас было восемь человек, почти целое отделение. При распределении к отправке на фронт был выстроен батальон и мне присвоили звание "Ефрейтора", такое звание получили только четверо из 700 человек.

Односельчан растолкали по разным ротам. Строем с песнями отправились, как заправские солдаты, на станцию. Загнали нас в товарняк по 36 человек в маленькие вагоны. В пути началась бомбёжка по составу, все разбежались, как бараны при пожаре. Рядом стоящие составы начали гореть, но наш состав остался цел. Слышны стали взрывы, наверно, были некоторые вагоны с боеприпасами. Нас учили по-пластунски ползать и стрелять, а здесь сверху бомбят, хоть ты куда ползи. Хорошо, что хоть первое боевое крещение застало ночью. Днём немцы боялись появляться, т.к. это был ещё глубокий тыл, до передовой линии фронта было около 100 км, но уже стали попадаться по пути стационарные госпитали и немецкие военнопленные, сидящие за проволочными заграждениями.

Выгрузили состав солдат ещё в Смоленской области и пешком топали до основного пункта, куда прибыли для пополнения одной из воинских частей, которая прибыла из Крыма. Все загорелые смуглые, большинство было из среднеазиатских стран. Среди них были участники боёв и только что прибывшие из освобождённых районов, были и такие, которые раньше отбывали тюремное заключение и как наши солдаты прошедшие курс бойца-освободителя.

Поселили в лесу – прощай солдатская постель и военная казарма! С этого момента матрацем стала шинель, подушкой – шинель и одеялом – шинель, крышей стало небо. Небо одно и шинель одна и земля одна. Фронтные товарищи стали учить, как себя нужно вести в действительности на

фронте, как в бою, а не учебном пункте. Здесь были старики лет под 45 и 17-летние юноши.

Уже в строю, идя с песней, был слышен и бас и тенор, "старики" рассуждали, что бойца узнают по голосу, если грубый - значит вояка. Нас же, 17-летних, считали за детей. Взводного командира у нас не было, и.д. один старик - сержант, но перед выходом в бой, назначили одного молодого, неопытного, не понюхавшего еще запаха пороха, даже ещё борода не росла у него, а были вместо бороды одни пушинки и был он на год старше нас. Разве он командир, думали мы.

После 10-дневного перерыва дивизия отправилась в путь, ближе на фронт к передовой. Путь был очень трудный, жара стояла невыносимая. Нагрузили на меня винтовку, две гранаты, 50 шт. патронов, лопату, противогаз, шинель и вещмешок с разными пожитками скудными. Был там и НЗ - неприкосновенный запас, сам голодный, а не смеешь дотронуться до него. Идти приходилось сутки, двое, трое. Впервые испытал, как можно спать на ходу: ноги двигаются, а голова спит. Некоторые сослуживцы набили на ногах мозоли, не могли двигаться. Я же шёл в первых рядах, ничего у меня в этот раз не болело. Находил иногда времена и на такие проделки: потрошил улей, забирался в оставленные дома и находил там съестное.

Однажды в местечке Н. предупредили, что передовая уже близко, чтоб мы готовились к бою. На утро вступили в бой - это было июльское утро. На сердце неловко, что-то скребёт или молодость, или глупость, или трусость, но скребёт.

Надо форсировать речушку, есть мост, но к мосту нельзя было пройти, противник бил из крупнокалиберной винтовки и пулемёта, просто спасу не давал. И сзади крик: немцы! Оказалось, что и немцы были сзади, но наш взводный растерялся, не зная, что делать, кричит: "Ложись!" и сам первый бросается в яму. В последствии оказалось в тылу были только три мотоциклиста, они сразу же повернули и удрали.

Оставили один взвод охранять лесную дорогу в том числе был и я, а остальных кинули на форсирование реки и взятие городка. Так шли многие дни через Смоленскую область затем Калининскую, всё кругом было разорено и разбито. В деревнях торчали только печные трубы, а городах оставались только каменные стены и замощённые камнями улицы, но большинство городов мы обходили стороной.

Что я понимал тогда? Все мы были, как толпа баранов. Вели нас, а куда? Знали на бой и только. Тут ещё командир сам неопытный необстрелянный. Из-за неправильных его действий погибло много рядовых, не зная за что и почему они должны погибать, тонули в болотах, утопали на льдинах. Об этом знало и высшее командование, но не принимали никаких мер.

Однажды при форсировании реки шириной около 30-35 м, но не очень глубокой, командир дал приказ наступать. Батальон с криком: "Ура!" ещё не дойдя до воды бросился вперёд. На другом берегу немцы, услышав этот крик, застрочили из пулемётов, так и остались сотни солдат в реке, не добравшись до другого берега, а остальные вынуждены были вынести свои ноги из реки обратно под шквальным огнём и закопаться.

Я думаю можно было по-другому эту высоту захватить. Вечером в темноте вплавь перебраться тихо и спокойно. Навести панику на немцев, они это очень не любили, тем временем перебраться остальным и дать немцам жару - меньше было бы жертв и больше удачи.

Впервые в разведку меня и ещё одного солдата взял помощник командира взвода пожилой мужчина, это было в конце июля. Ранним утром собрались и пошли в разведку, с опытным командиром разведка удалась и получилось удачно взяли "языка" и притащили пулемёт ручной. Но вскоре помкомвзвода был ранен и его отправили в госпиталь. Молодой же командир взвода невзлюбил меня и всячески придирился.

Однажды при отступлении меня оставили с одним молодым солдатом в дозоре в лесу и мы с ним оказались в окружении. Как выбраться из лесу? Немцы уже впереди бегут, сзади них танки, наши танки, которые стояли на опушке леса восемь штук, все сторели. И как-то два танкиста оказались возле нас и мы все четверо выбрались из окружения. На другой день после окружения начали договариваться куда идти дальше. Решили искать свои части. К вечеру того же дня наткнулись на своих, пришли, а оказалось совсем мало людей осталось во взводе. Уцелел молодой "командир", по вине которого погибло столько людей, встретил меня не дружелюбно, надеялся, что уже не вернусь. В роте, где я служил при формировании и вступлении в бой было 144 бойца, через месяц боёв осталось всего-навсего 17 солдат.

Очень обидно было, всего два месяца на фронте и столько пришлось пережить. Контузия с первых дней боёв (это по неопытности), хорошо ещё, что "старики" каждый день меня учили, показывали свои примеры, вместе шли в атаку, немного подучили, а сами головы положили.

Молодой командир приказал однажды быть его телохранителем, т.е. ординарцем, но я от этого отказался, не хотел быть холуём.

И бывают же такие моменты: приходит счастье или само провидение направляет. Встречается тот танкист, с которым вместе выходили из окружения и я ему рассказал про своё положение. Он же, Саша Зоткин, сибиряк посоветовал обратиться вместе к его командиру. Отправились к нему, командир оказался волевым, умным человеком, сразу принял решение оставить меня при его части. Поставили на довольствие, дали сапоги (в пехоте всё время ходили в ботинках). Так я стал служить в отдельной танковой бригаде.

Зачислен был в ту самую роту, где находился командиром машины Саша Зоткин. И сразу договорились, что он будет меня приучать вождению танка. В первое время всё давалось с трудом, т.к. силёнок не хватало, рычаги же танковые требуют большую силу и ловкость, чтобы управлять такой громадиной и скорость танк развивает более 70 км в час. Но постепенно я всему научился.

Командиром роты разведки был очень молодой, красивый, плотный, маленького роста юноша Величко ст.лейтенант, но не капризный по своей молодости, командовал спокойно и выполняли его приказания безпрекословно даже старше его по возрасту в два раза солдаты.

На "пайках" танкистов я быстро стал поправляться. Разведчики получали дополнительный паёк - командирский. На одного разведчика выдавали на полмесяца масло сливочное, печенье, курящему папиросы, часто выдавали спирт. В танковых частях народ дружный, спаянный, я нашёл среди них настоящих товарищей.

Наши войска продвигались с крупными боями вперёд. Наша же бригада была прорывная при армии. Однажды на самой границе Белоруссии и Литвы была маленькая речушка за которой укрепились немцы при отступлении. Противник находился на высоте, следовало форсировать плацдарм с речушкой, а погода была паршивая, глина, грязь, машины утопают, танки

вязнут по башню, орудия утопают, подвоз боеприпасов прекращён, питание отсутствует и вот в такой критический момент осенью 1944 года был отдан приказ наступать и занять рубеж за рубежом. Немцы же тем временем рассчитывали отстоять свои позиции, вызвали авиацию, артиллерию, мотопехоту и пошла свалка.

Наши войска пододвинули всю технику к переправе и в тот самый момент прилетели самолёты немецкие. Наша техника стояла на грязной дороге, по сторонам росли сплошь ивняки вдоль речушки, как обычно растут при ложбинах. Вот здесь то и начался бой. Я насчитал 58 немецких бомбандировщиков, они бомбили по колонне, стреляли из пулемёта и делали по несколько заходов. Тут начала артиллерия противника бить и всё перемешалось буквально в течении часа. Колонна горит, кони ржут, люди стонут, дым, копоть, огонь, взрывы! Я ощупал себя, вроде остался на этот раз ещё живым, крикнул своим друзьям, отозвался помощник командира взвода разведки Иван Маркович Зайцев, был жив Николай Долгушин, остальные пока неизвестно. Как отглянулся на "белый" свет, всё было как при большом урагане. На ивняках нет ни одного листочка, а на ветках висят и кишки, и тряпье. Вроде стихло, самолёты улетели после "удачного" налёта, артиллерия бить перестала. Наши войска стали потихонечку, как после большого землетрясения очухиваться.

После этого ужасного налёта наша бригада направилась к границам Черниговской области, где сидели и укрепились немцы, выбили их оттуда, затем направление дали на Белоруссию. Прошли Оршу, Борисов, Минск, вышли опять к границе Литвы. Всё шли с боями, были трудности, местами страх брал, но куда лучше воевать и куда смелее воюешь при хороших товарищах. Саша Зоткин выучил водить танк, ездил я уже как заправский водитель, педали и рычаги уже слушались меня. Однажды на отдыхе возле Каунаса я сдал на вождение танка и выдали мне права "водителя танка" - сколько радости было. За взятие города Добеле и ст. Дене наградили меня медалью "За отвагу". Воевать гораздо легче, когда войска идут в наступление непрерывно, когда враг в панике. В обороне стоять - это то же самое, что сидеть без дела сложа руки. Правда в армии этого нет, чтобы сложа руки сидели. Сразу приказ окопаться, замаскировать машину, рыть блиндажи и многое другое. А как только всё уладишь, новый приказ: "по машинам" и вперёд. Николай Долгушин рассказывал, что он за войну до октября 1944 года перекопал столько земли, чуть ли не длиной четыре км, шириной один метр и высотой 1,5 м.

Наша танковая бригада двигалась всё вперёд и вперёд без особых потерь, исколесили Украину, Белоруссию, Литву, Латвию, выходили к немецкой границе (Восточная Пруссия) к Либаве, там немного получили "перцу", на колонну напала авиация и "тигры", бригаде пришлось оставить на подступах к Мемелю четыре танка и 13 человек раненными и убито было два человека.

Последние годы войны, осенью 1944 и в начале зимы 1945 года, большинство войск, особенно механизированные, почти всё время маневрировали. На обороне не сидели, раз прорывная бригада, где что хуже, сразу туда и пихали. Редко приходилось устраивать такое удовольствие как баня. Но однажды разведчики во главе со старшиной решили вымыться как следуют. Дело было к вечеру, баня готова, светит коптилка из гильзы снаряда. В первую очередь отправились старички семь человек, больше не помещались. И что же придумал радист Сальников Иван Ильич?

Было у нас немецкое обмундирование и он посоветовал троим бойцам переодеться в немецкую форму. Те ещё не догадались зачем это нужно, а Иван был большой шутник, знал немецкий язык и Рябцов Иван знал. И что

же вы думаете? Направляется с тремя бойцами в баню напугать любителей бани (передовая была в 15 км). Научил как и что делать. Сальников остаётся в предбаннике, забирает все вещи моющихся, прячет их, троих направляет в самую парилку, где как раз разгорелась жара, там кричат, смеются, брызгают и тут заходят "немцы" кричат: "Хенде хох" (Руки вверх). Разведчики так напугались, один пролил чуть ли не кипящую воду на себя, всё своё хозяйство ошпарил и давай выходить по одному голые, а там и вещей их нет. Темно, голых гонят куда-то. А тут на грех случилось так, зам. командира батальона по политчасти узнал, что разведчики истопили баню, а он тоже любитель попариться, немного задержался и пришёл как раз в тот момент, когда люди голые стоят, а за ними три немца с автоматами, он и вправду струхнул, кричит: "Тревога!". Тут выбегают остальные бойцы смотрят и удивляются, откуда эти немцы и почему голые стоят, но не выдержала душа Рябцева, засмеялся... Сколько "матов" выпустили наши смелые "голые" герои разведчики надо было видеть. После этого разговор пошёл по всему полку, а потом узнала и вся бригада. Смеху было! Но это смех оказался перед большим горем и неприятностями.

На другой день был приказ двинуться дальше. Немного подморозило, погода ясная. Меня посадили водителем на американскую машину, её нельзя назвать танком, потому что пушка была 37-миллиметровая, два пулемёта и гусеница только на ведущих колёсах, передние же были из колёс из цельной резины. И вот на такой гроб посадили вместе со мной 12 человек и направились на передовую в бой. В этом бою потеряли командира полка полковника Мацуру, который был душа и герой всего полка. Убили случайно, попала шальная пуля в имении одного купца на польской границе. Осталась любимая полковника санврач полка Мария Васильевна, молодая только с института. Похоронили в Вильнюсе.

Вместо него назначили командовать полком Данилина, это был замполит по строевой части, любил выпить излишне, а военного искусства у него было очень мало. От радости наш новый командир изрядно хлебнул коньячка и был на веселе. А полк должен был следовать с боями по своему маршруту, указанному со штаба армии. Но пьяный командир недосмотрел карту и ошибочно изменил маршрут. В полку насчитывалось 19 машин танков, 17 - Т-34 и две американские "Валентин", в одном из них находился и я.

Дело было к вечеру, заезжает полк в первый немецкий город Найденбург. В городе военные немцы устраиваются на ночлег, повара заняты своим делом, дымит кухня, рокочут машины, огней в жилых домах горит мало, видно жители уже покинули город, но нас ещё не ожидали. Без единого выстрела подняли панику, немцы с криком "Русс!" кто куда удрали. Откуда ни возьмись, сзади выползает "тигр", проходит между машинами и скрывается за городом. Город небольшой, взят без единого выстрела, на первый взгляд удача нашему командиру. Дома все целые, богатство всё на месте. Солдату вояке что надо? Во-первых покушать плотно и если есть возможность выпить. Не так-то было. Перед выходом, как наступать на немецкую границу, подписали все бойцы и командиры на воззвании советских людей мстить фашистам за гибель, убийства, насилия, грабежи и угнетения! Бойцы должны это обещание выполнять. Город через час стал пылать весь в огне! Все тянут кто что, целыми ящиками натаскали коньяк, яиц, мёд, и что только не было. После такой "победы" командир, а смотря на него и бойцы напились, прогуляли, пошумели всю ночь.

На завтра подкрепились и команда: "По машинам!". Приказ был один: "Вперёд!". Команда дана - выполняй! А подсказать нашему командиру-самодуру было некому. На этот раз получилось так. Надо было обмозговать, раз немцы вышли без боя из города, то они должны были где-то занять рубеж и обороняться, устроить засаду. Об этом шальная

голова командира не подумала и только "вперёд", ох, Данилин!

Тут ещё к нам присоединились вроде из нашего полка "голожопые фердинанды" (их так называли потому голожопыми, что были они на гусеничном ходу, пушка 76 мм, самоходная установка, но как спичечная коробка, зад был открыт, просто накрыт брезентом - американский танк), тоже заблудились. Выстроилась колонна по команде. В первую машину залезает сам командир с экипажем, во вторую машину, которую вёл я, залезает комбат и экипаж. Так выстроилась целая колонна из 19 машин и дополнительно приблудные присоединились 4 машины эти (голожопые фердинанды). Отъехали с полкилометра, за городом наши "приблудники" догадались, что не туда ведёт наш командир и поварачивают назад. Командир первой машины Саша Зоткин доложил, что "приблудные" повернули назад, но командиру не до этого - вперёд и всё!

Отъехали примерно два км от этого города, заметно где-то вблизи должен быть опять населённый пункт. Но тут как залпом бабахнут по колонне в первую машину, танк и загорелся, поварачивать некуда, справа и слева ров, а впереди виднеется противотанковый ров, обнесённый проволочным заграждением. Влипли порядочно и сказать нечего. Моментально зажигают последнюю машину, дорога на грех узенькая попалась, ни туды ни сюды, хоть умирай. Выскакивает командир из машины, куда делась хмель, совсем трезвый. Тем временем немец строчит из пулемёта, не даёт головы высунуть. Наш танк ещё цел, договариваемся, что предпринять. Повенуть нельзя, назад тоже, всё горит, начали взрываться снаряды. Одно решение выскочить поочерёдно и текать назад, но бьёт слева и справа, оборону правильно заняли немцы.

Выскачали благополучно, решили машину оставить в целом виде. Хорошо, что приняли решение выскочить на левую сторону, где проволочное заграждение, оказалось, что справа уже окружили немцы и главное окружили с боку с заднего фланга. Всякими путями доползли до сарайчика, который стоял совершенно пустой, по кювету держим направление в город. Командир чешет первым - трус!

Тем временем с правой стороны дороги окружили немцы всю колонну. Добрались мы до окраины города. У командира глаза, как у пуганной вороны, круглые, мутные, дрожит, не может на ногах стоять. Сорались все, кто успел уйти 42 человека и командир додумался пойти с автоматами на выручку, попавших в плен, а там остались из полка человек 120 солдат и командиров. Разве 42 человека выручат?

Посоветовали ему связаться с бригадой, доложить и попросить подкрепление, только таким путём могли освободить, попавших в плен друзей и товарищей. У меня был хороший друг москвич Володя Коган, он тоже оказался в окружении. Всё это происходило утром, вечером подошло подкрепление: пехота, артиллерия и танкисты. Всех оставшихся живых сажают на танки и вперёд на выручку!

Как только немец заметил нас, начал палить со всех сторон, оборона была крепкая, но заметил, что силы неравные и стал понемногу отходить. Немцев оказалось немного, человек 300 и техники немного. Местечко, где находились наши пленные, взяли через два часа с небольшими потерями. Захватили немцев в плен, некоторые из них оказались французами, италийцами и два венгра. Но своих не видим пока. Командир одного взвода спрашивает: "Где русские?". Один француз пленный показывает во двор имения. И что там они натворили?

За один день, который наши бойцы провели в плену, как только над ними не издевались! Кололи глаза, обрывали ногти, у кого были ордена, на их

месте на теле вырезали знаки, вешали на одной ноге вниз головой. Несколько бойцов сумели спрятаться, кто в уборной сидел целый день в гуще говна, кто где сумел. Убитыми оказалось 39 человек. Я видел во время войны много ужасного: встречались сторевшие в зданиях по 100 с лишним человек, как угольки и встречались такие убитые, над которыми издевались немцы, встречались и такие, которые умерли с голоду, но такое издевательство встретил впервые. Главное, глаза уже были выколоты, нет, сатана выколлот да с вывертом вынул окуляр глаз человека! Разве это не издевательство, это выше всяких издевательств.

На завтра 39 человек спустили в землю, вновь вырытую яму всех вместе крест на крест, на земле врага! Дали залп из пушек и всё! Вот что даёт один неразумный приказ! Командира убрали сразу, его судьбой наверно не интересовался никто. В полку остались в живых 82 бойца и командира. Машин оказалось целых только четыре. На моё счастье моя машина осталась цела.

Дня три оправлялись, дали с резерва 10 машин и с этим направились на Варшаву. Бойцы грустные, не весёлые, и здесь Коля Долгушин и Иван Маркович показали свой талант, у них был чудесный голос, за голос Кольку называли цыганом. Спели они песню "Бродяга". В то время это было как раз к месту.

На подступах Варшавы наши войска находились в обороне примерно шесть месяцев, погибли наших уйма! Наверно несколько сот могил с тысячами бойцов уложили свои головы. Туда следовала и наша бригада - ударная. Польша страна отсталая, бедная, без техники но народ продажный, готов предать любого нашего бойца, боялись колхозов. Но женщины полячки были другого взгляда, попробовать ведь надо и русских, не отказывались раньше и от немца и от итальянца.

После Вашавских боёв бригада наша вышла на отдых 10-дневный - здесь вручали награды. Многие получали за заслуги, а некоторым, особенно штабникам, давали за подхалимство. Заслуженно или нет, но вручили и мне медаль "За отвагу".

Варшава взята, а Кенигсберг пока в руках немцев, перебрасывают туда. Опять поход, хорошо, когда всё время в походе, но холодновато, зима, правда, Европейская зима вроде спокойная, но влажная, сырая для северян, это плохо. В последнее время я очень вырос, стал поправляться, сменился голос, подход к людям. Меня фронтовые товарищи уважали за откровенность и справедливость, не умел подхалимничать.

При подходе к Кенигсбергу на моих глазах был ранен командующий III-м Белорусским фронтом генерал армии Черняховский. А случилось это так: при переправе откуда ни возьмись приехал командующий, вышел из машины, высокий, чёрный в бурке, какому-то генералу дал "перцу" за устройство такой переправы и в этот момент ударил из "Ванюши" проклятый немец и сразу Черняховский повалился, его подхватывают и в машину положили, сразу с места срываются три машины и уехали. На второй день сообщили, что Черняховский умер после тяжелого ранения.

После Кенигсберга взяли Гдыню на побережье Дангцигской бухты. Хорошие места, в то время действовали там "бардаки" - прихожие дома. С берега Дангцигской бухты было видно, как тонули немецкие торговые и боевые корабли. Ох! и бомбили наши самолёты. Тонут медленно, но тонут. Потопили порядочно и ежедневно, это было весной 1945 года.

После Гдыни и Цопота нашу танковую бригаду направили на Берлин. У бойцов и командиров настроение радостное, все весёлые ходят, появились

во взводах и ротах аккардеоны и гармошки. С питанием стало лучше. Немцы народ аккуратный, везде у них порядок. Зайдёшь в скотный двор – чистота и уют для скота. Много держали гусей, уток, поросят, везде сады яблони и вишни. Дороги ровные все асфальтированные.

Шли с боями, но раз враг в панике, бежит без оглядки и вместе с ним бегут жители. Оставляли всё, что было дома. А наготовлено у них было для себя всяких варений, солений и настоек видимо не видимо. Вот уж мы там лакомились достаточно всякими сладостями. Попадали целые заводы спиртные. "Русский Иван" как заберётся туда, дует просто из котелка, дурной наш брат. Немец пьёт из рюмочки, если средний палец вставить в эту рюмку, то не поместится. Немцев не видели пьяных на улице, хотя у них на сердце было горе не меньше нашего, но они воздерживались.

Так мы дошли до реки Одера. Немец задумал там удержаться, но на четвёртый день Одер был форсирован. Форсирована река Одер, теперь близко до Берлина. Наша таковая бригада в лобовую на Берлин не попала, направление дали правее Берлина. Всем тогда хотелось попасть на Берлинское направление.

6 мая 1945 года. Встретились с американцами. Последние дни в разведку почти не ходили. "Язык" достать стало просто, иногда они сами приходили, рассказывали всё даже любому солдату, кто остановит. Случалось сдавались ротами даже целыми полками. И вот на 6 мая движение прекратилось немцев и пленных, в чём дело? Все знали, что победа будет скоро. Все радостные, на каждой остановке пляска, песни, танцы, разные игры. И вдруг команда: "По машинам!". Смотрим, по шоссе мчится мотоциклист, моя машина стояла как раз у кювета, поварачиваю быстренько и закрыл дорогу. Мотоциклист немного растерялся и со всей скорости падает в кювет. Сам упал, а мотор работает, заглушили. Сразу вокруг собралось много бойцов. Смотрим, он вроде не немец, на каске три звёздочки. Спрашиваем: "Ты кто?", – отвечает: "Америка". Удивление!? На ремне развешано шесть американских пистолетов. Подняли его, подошли высшие командиры, а по-английски никто не умеет. Разыскали л-та Беляева из г.Горького, он немного знал по английски.

Американец начал лепетать. Оказывается они со вчерашнего дня отступают, а сами врага ещё не видели, ох и трусы они. Жизнь дорожат! Примерно с час он побыл, поговорил кое-как, потом доложили по рангу и чинам и приехали за ним из бригады. Посадили на "Вилюсс" Беляева, сел майор Малиновский, два сержанта из штаба бригады и с этим американцем направились к американцам. Они оказывается стояли за рекой Шпреей. Там наши побыли часа четыре, вернулись радостные, немного на веселе, за ради Победы наверно немного угостили американцы.

К вечеру подошли ещё наши войска: мотопехота, артиллерия и другие части. Все переоделись в новое обмундирование, как же, встреча с союзниками! Вечером дали команду расположиться в городе Н., там разместились наши войска, американские и английские части. Американцы очень разгульный народ и ведут себя свободно, вроде и не в армии. Было много негров среди них, народ этот крупный, белозубые, чёрные, говорить не могли, но понимали, что мы с ними на равных, хлопали по плечу, пожимали друг другу руки.

В этом городе сидеть долго не дали, на завтра получили приказ перебазироваться м.Шупер. Там и встретили день Победы 9 мая 1945 года. В 4 часа утра огласили приказ о победе. Тогда уже дали волю: гуляли с утра и до поздней ночи. Прибыли с бригады командиры во главе с комбригом. Плясали, желали долгой жизни друг другу все в кругу своём. В саду устроили массовый праздник "День Победы", выпивали сколько

хотели только в этот день, а на завтра опять всё пошло своим чередом.

Вот так прошёл день Победы! Безусловно много веселились, смеялись и радовались, всё не опишешь, а представить можно, всё ещё перед глазами. И представления какие были и в каком саду, всё цветёт, благоухает, природа даже радовалась вместе с нами!

После дня Победы на четвёртый день тронулись в обратный путь на Штеттин, а оттуда в глубь Восточной Пруссии м.Константинополь. Хорошее местечко, всё в садах, возле озера, близко лес. Всё это умиротворяло, жили в домах, где раньше жили немцы. Так воспользовались этой Победой. Но всё это длилось не долго, военная служба продолжалась и было ещё много потерь, но всё это было уже после победы.

Записала Мальхина А.Г.

Подготовил к публикации на сайте Оксюзьян Д.В.

17.12.2021 г.